

Хранители, ангель мой! спаси меня!

Соррини: Живую не отдам!

Что бь. ни было.

Фернандо: О... такъ смотри сюда!

(Проклинаетъ ей грудь; въ эту минуту всѣ поражены; онъ подымаетъ ея трупъ съ полу и уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хотѣли броситься вслѣдъ.).

Соррини (послѣ молчанья, остановивъ слугъ):

Останови! иначе хочу я сдѣлать. (Онъ дрожитъ),

(Даетъ знакъ, чтобъ всѣ ушли; уходитъ).

Какая дерзость!.. да! онъ мнѣ заплатитъ.

Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...

Что можетъ онъ?.. Я воль теперь,

Какъ дьяволъ... Отомщу жъ ему,

Сорву желѣзомъ ногти, ищиплю

Горячими щипцами, на гвоздяхъ

Его ходить заставлю, мѣдъ кипящую

Волью безумцу въ горло и ушьюсь,

Ушьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,

Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!..

Спади съ меня личина скромности,

Пускай узнаютъ всѣ, что итальянецъ—

Соррини, по его веселію и плескамъ,

Когда Фернандо будетъ издыхать

Въ огнѣ или подъ ударомъ палача.

Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ,

Тѣмъ будетъ счастье мое полнѣй.

Оклевету его; хоть самъ не вывернусь,

Но все же я ушьюсь его мученьемъ.

О клевета, приди на помощь! никогда

Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;

Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ

Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ

Твоимъ... (ударяетъ себя двумя пальцами въ лобъ).

Мой планъ почти готовъ...

Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня

Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю

Себя... возьми! я твой—и за могилой!

(Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини).

Доминиканецъ: Соррини, здравствуй!

Соррини: Здравствуй! кстати ты при-

Доминиканецъ: А что такое? [шесть.

Соррини: Я тебѣ скажу

Сейчасъ.

Доминиканецъ: Должно быть, ты узналъ

Пристанище богатаго жидя

Или, что все равно, еретика.

Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ!

Такъ точно, ревностный служитель вѣры,

Я отгадалъ, что хочешь ты сказать.

Соррини: Ты отгадалъ. Зналъ ли прежде

Ты Дона Алвареса; у него

Воспитывался юноша Фернандо...

Онъ еретикъ! онъ вѣрить Лютеру

И чтить его! сегодня онъ убилъ

Дочь Алвареса въ домѣ у меня.

Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже!

Не могъ спасти отъ остраго кинжала!

Его сыскать намъ надо и вести
на казнь преступника двойного
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Повесъ съ собой!.. да! я его найду;
И по слѣдамъ его пойду кровавымъ,
И жизнью заплатитъ онъ...

Доминиканецъ: Конечно!

Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ
Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!.. такъ страшенъ онъ казался!

Соррини (послѣ минуты задумчивости):

Дай руку мнѣ! клянусь быть за одно...

Доминиканецъ (протягиваетъ руку):

Возьми съ моею рукою обѣщанье.

Соррини: Быть за одно во всякомъ случаѣ!

Доминиканецъ (вспувъ боязливый и подозрительный взглядъ): А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини: Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь знаешь ты: мы вѣчно правы.

Доминиканецъ: Брось шутки! ты тутъ не виновенъ?

Соррини: Нѣтъ! нѣтъ! но если бъ даже былъ.

Доминиканецъ: Безъ если, просто
Какъ съ другомъ говори...

Соррини: Да нѣтъ!

Доминиканецъ: Простѣ!

Скажи: невиненъ ты?

Соррини: Какъ голубь!

Доминиканецъ (съ коварной улыбкой):

Вотъ такъ! ха! ха! ха! ха! давай! бумагу;

За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ.

Пожертвовать. А еретикъ Фернандо

Погрѣется у насъ, пока

Охолодѣетъ прахъ его проклятый.

(Садится и беретъ перо съ бумагой).

И напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,

А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!

Умевъ былъ тотъ, кто изобрѣлъ письмо.

Перо терзаетъ иногда сильнѣе,

Чѣмъ пытка! Чтобы уничтожить царство—

Движенія пера довольно; даже рай

Даетъ перо отца святого папъ;

Ты вѣринъ въ эту власть?

Соррини: Какъ въ добродѣтели!

Доминиканецъ: И такъ начну писать я свой доносъ. (Начинаетъ писать).

Соррини (пока онъ пишетъ, подходитъ къ мѣсту, гдѣ убита Эмилія; глядя внизъ):

На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!

Вотъ пятна: вотъ одно, другое!

Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,

Впервые сердце бьется и трепещетъ,

И волосы невольно дыбонтъ.

Встаютъ при мысли объ убійствѣ!..

Жалѣть ли мнѣ Эмилію? Да что жъ?

Всѣмъ должно умереть!.. но если тѣнь

Ея предстанетъ мнѣ во мглѣ ночной,

Какъ говорила дѣва; если я